

Астафьев Виктор Петрович В страдную пору astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Машины, надсадно завывая, вползли на гору. Открылись колхозные поля, упирающиеся с одной стороны в желтый лес, с другой – подступившие к реке. За машинами потянулись серые хвосты пыли. Николаю и Зине повезло – они попали на переднюю машину вместе с большой группой работников горкомхоза и от пыли не страдали. Зато идущей следом машины почти не было видно. Оттуда доносилась сбиваемая на ухабах песня. На передней машине тоже подхватили песню. Николай совсем близко услышал голос Зины, но сам он не пел, а, вытянув шею, жадно глядел через головы людей вперед. Вдали показалась деревня, растянувшаяся вдоль реки. За деревней широкий лог. Он подковой огибает избы с сараями, банями и огородами на задворках. В половодье по этому логу заходит вода. Сюда плывут нереститься щуки. Они трутся до крови о прошлогоднюю траву животами, выдавливают икру. Потом вода уходит. Остается небольшое озерко, полное шальной рыбьей мелкоты. Вода в озерке согревается, ее затягивает ряской. Постепенно озерко засыпает под густой зеленью. Подросшие шурята с носами, похожими на долото, гоняют здесь чудом уцелевших рыбешек. Неутомимо носятся по воде сторожкие коньки с паучьими ножками. В эту пору ребяташки оставляют озерко. Они боятся какого-то страшного волоса. По старым поверьям, он "ежели в тело вопьется да до сердца дойдет, тогда непоборимая смерть человеку". Лодки, удочки, купанье в жаркие и нежаркие дни, штаны и рубахи, порванные на частоколах чужих огородов, – вот оно потрясающе драгоценное и далекое-далекое время, которое с такой сладкой грустью сейчас заново переживает Николай. – Моя, Сычевка! – показывает он Зине. – Как ты сказал? – Сычевка. Ну, от слова "сыч". Птица такая есть. А во-он видишь, здание, кирпичное, ну да ближе церковки. Это управление МТС, где я работал. А в церкви-то мастерские. – Он помолчал немного и задумчиво прибавил так, что Зина его почти не расслышала: – Стосковался. Она удивленно пожала плечами и крикнула: – Глухота! Недаром отсюда люди бегут!.. До деревни они не доехали. На дороге их встретил человек, поднял руку, затем стянул с головы фуражку и замахал перед собой кругами, как подают на железной дороге сигнал остановки. По этому сигналу Николай сразу узнал эмтээсовского бригадира Пасынкова. Тот когда-то служил стрелочником на станции. – Слезай! Приехали! – послышался шепелявый голос Пасынкова. Николай легко соскочил с борта машины и, очутившись перед Пасынковым, подал ему руку: – Здорово, кум Гаврила! От неожиданности или такого необычного приветствия, которым Николай хотел замаскировать свою неловкость, Пасынков немного растерялся, удивленно поморгал и протянул: – Хо-о, кого я вижу! С какого кладбища? – Запарились вы тут, – ухмыльнулся Николай, – вот и решил вместе со всеми нашими на прорыв. – Ну-ну, поупражняйся. С городских харчей полезно поразмяться, – сказал Пасынков и, обращаясь к столпившимся у машин горожанам, добавил: – Стало быть, товарищи, у кого лопаты есть, прямо от дороги и начинайте. А человек восемь-десять пусть со мной идут за картофелекопалкой картошку собирать. Ну ты, городской интеллигент, – обратился он к Николаю, – как желаешь: лопатой или с помощью техники? – Узенькие глаза Пасынкова щурились, и в них виднелись чуть заметные искорки смеха. Но Николай сделал вид, что не понял издевки. – Давай к технике. Сам знаешь, душа она моя. – Он помялся и неловко добавил: – Со мной пойдет вот эта гражданочка. – А-а, эта самая? – переспросил Пасынков, бесцеремонно разглядывая Зину. Зина сердито фыркнула и пошла вперед. – Значит, уже перестроился? Смекнул, что сейчас в колхозе выгодней? – ехидно сказал Николай. Пасынков уклончиво ответил: – Перестроился не перестроился, а мимо своего колхоза не проехал. – И тут же прибавил, сворачивая с дороги на картофельное поле, где стоял трактор: – Вот мы и прибыли. Возле трактора копошился парень с белыми волосами, выщипавшись на висках, как у девчонки. Что-то памятное для Николая было во всей нескладной фигуре этого парня. – Тимоха, а, Тимоха! – крикнул ему Пасынков. – Гляди, кого я приволок, дизент?ра! – Пасынков нарочно искажил это и без того разящее слово. Николай хотел обругать Пасынкова, который все так же улыбался, щупая его хитрыми глазами, но Тимоша быстро оглянулся и, постояв с открытым ртом, как лунатик, двинулся от трактора. – О-о, Никола! – Он хотел еще что-то сказать, да заметил Зину, покраснел, застеснялся, начал оглядывать свою промасленную робу и пошел обратно к трактору. Тимоша несколько лет проездил помощником на тракторе с Николаем и никак не решался самостоятельно сесть за управление. Трактор Тимоша знал хорошо, но Николай был уверен, что сейчас, при посторонних, он станет делать не то, что надо, потеряет до зарезу нужный ключ или гайку. – Ну, командуй, кум Гаврила, – покровительственно заговорил Николай. – Привел – давай работу. – С полным удовольствием, – подхватил Пасынков. – Работы у нас вагон и маленькая тележка. Стало быть, товарищи, вот где проехал трактор, собирайте картошку и в кучу. Работенка не пыльная, но денежная. – Что платить будешь? – засмеялись приезжие.

Астафьев Виктор Петрович В страдную пору astafevvictor.ru
– Тридцать дней на месяц, харчи ваши, стол казенный, – отшутился бригадир и, когда горкомхозопцы отошли от трактора, сказал Николаю: – Помоги Тимоше, а то твоя краля навела на него такое затмение, что ему до вечера не опаматоваться. Не дожидаясь возражений Николая, Пасынков затрусил прочь, шаркая голенищами больших стоптанных сапог. – Ох и ушлый! – покачал головой Николай, глядя вслед Пасынкову, и направился к Тимоше. – Ну, чего у тебя? – Да вот с горючим что-то, засоряется, должно. – А свечи-то зачем вывернул? – Свечи? Думал, на них нагар. – В карбюраторе ковырялся? – Разбирал. – Жиклеры продул? – Жиклеры-то? Нет, не продувал. А что, думаешь, в них причина? – Я ничего не думаю, сам говоришь, с подачей неладно. А ну, дай карбюраторный ключик. Тимоша пошарил в траве, нашел ключик, подал его Николаю и застыл в ожидании приказаний. Все! Теперь он слуга покорный. Делать будет только то, что ему скажут. Николай покосился на него, улыбнулся и, весело засвистев, принялся разбирать карбюратор. Он прочистил жиклеры, подул в трубку подачи и, почувствовав на языке обжигающий вкус бензина, смачно сплюнул на землю. Потом ввернул свечи, проверил искру и весело крикнул: – Тимош, крутни! Тимоша изогнулся вопросительным знаком, налег на ручку, трактор хокнул раз, другой и, постреливая, бухая богатой смесью, затарахтел, вздрагивая всем корпусом. Над радиатором показалось улыбающееся лицо Тимоши. – Уходи! – махнул ему рукой Николай и включил скорость. Трактор дернулся, выбросил из трубы колья дыма и перевалочку пополз по полю. За ним широкой полосой тянулась переворощенная земля, на которой выводками лежали шершавые картофелины. В прежние времена, сидя за рулем трактора, Николай любил петь что-нибудь бесшабашное, громкое, лишь бы слышать свой голос. Он и сейчас затынул: Бывали дни веселые, я по три дня не ел, не то, чтоб денег не было, а просто не хотел... Потом он обернулся и увидел примостившегося на месте прицепа Тимошу, который все еще улыбался. Николай сбросил газ, выключил скорость и, когда трактор остановился, с сожалением сказал: – Давай, Тимош, садись на свое место. – Да нет, что ты, Никола, езди, езди, – торопливо замахал руками Тимоша. Николай понял: парню неловко оттого, что Николай, его учитель, станет собирать за трактором картошку. – Я поем маленько, а ты поезди. Знал Николай, что это всего лишь предлог, но обрадованно согласился. Он повернул трактор от меж обратно и, поравнявшись с людьми, собиравшими картошку, весело помахал зине. Она разогнулась, поглядела па него и что-то крикнула, показывая на грудь. Николай глянул на себя и почесал затылок. Сатиновую косоворотку он уже успел вымазать. Руки его делали свое дело, уши улавливали привычное тарахтенье, а глаза забегали вперед, туда, за картофельное поле, за щетинистый перелесок, к Сычевке. Там, около озера, точно разбросанные клочки бумаги, белели стаи домашних гусей, паслось стадо коров, возле школы суетились шустрые фигурки ребятишек. Сентябрь! Бабье лето! Время, полное забот, трудов и осенних радостей, время уборки урожая. Солидная, ясная тишина кругом, в которую привычно и уверенно врывается шум тракторов, заглушая прощальные крики перелетных птиц. Люба эта пора сердцу деревенского жителя, особенно если он долго не был в поле, давно не вдыхал густой, чуть пыльный воздух осенней пашни. Спихватился Николай после того, как заметил солнце на маковке церквушки. По его давней примете это означало четвертый час. Он остановил трактор и, с удовольствием разминая затекшие ноги, зашагал к опушке леса, где у костра возился Тимоша. – Во друг, видали его! – рассмеялся Николай, хлопнув Тимошу по узкой спине. – Спихнул трактор – и горя мало. Тимоша потер и без того вымазанный лоб черной рукой, дружески улыбнулся, кивая на жарко пыхающие угли: – Я тут соображаю насчет картошки дров поджарить. – Печенки? – Угу, – радостно зажмурился Тимоша. – Я ведь знаю, как ты их уважаешь. В городе-то никто печенками не угостит. Там, небось, только интеллигентные блюда: курица в соку и веник в чесноку... Остричь Тимоша не умел, но когда он это пытался делать, не улыбнуться было нельзя. Николай присел на порывевшую траву и почему-то со вздохом сказал: – А ты, Тима, все такой же, мировой парень! Даже сквозь слой мазута было видно, как вспыхнуло лицо Тимоши, и он бестолково засуетился у костра, выкатывая картофелины. – Ешь, Никола, пока горячие. – Давай одну. А вообще-то, я налаживаюсь домой сходить. – Николай начал обдирать кожуру с обугленной на одном боку картофелины. Он дул на нее, перебрассывал из руки в руку. Наконец, обжигаясь, принялся есть рассыпчатую картошку и как бы между прочим поинтересовался: – Как там крестная поживает? И вообще расскажи, чего нового у вас? Как мой приятель Чепуштанов поживает? Никто ему голову еще не проломил? – Голос Николая сделался злым, широкие ломаные брови замкнули переносье. Тимоша сдул с картофелины золу, помял ее на траве: – Тетя Васса живет, как всегда, тихо-мирно, прихворнула тут немного, с ногой что-то опять. – Болела, говоришь? – встревожился Николай и, вспомнив, что за целый год не догадался ни черкнуть крестной, ни попроведать ее, невнятно пробормотал: – Чего же это она и не сообщит даже?.. Тимоша быстро взглянул на Николая, и он опустил глаза. – Эмтээс, сам знаешь, аннулировали, – тем же тоном продолжал

Астафьев Виктор Петрович В страдную пору astafevvictor.ru
Тимоша. – Ну и я оттуда тоже аннулировался. Оно и лучше – урожай свой и машины свои. А Чепуштанов отбыл в город. Оно и лучше – шуму меньше... – Не дождался, значит, когда я с ним рассчитаюсь! – усмехнулся Николай. – Чего тебе с ним считаться? – пожал плечами Тимоша. – От навоза – подальше. Ну, а как ты устроился? – Тимоша доверчиво придвинулся. – Вижу, не совсем? Да, перед Тимошей Николай не умел кривить душой. – Какой там, не совсем, – махнул рукой Николай. – Работаю коновозчиком в горкомхозе, обещают на трактор посадить. Ждут со дня на день трактор-то. Зарботок хороший обещают, да мне радости мало. Мне поля эти чудятся, покоя нет. Не поверишь – крестная да дом свой последнее время снятся. Нарочно долго брожу, чтобы крепко спать, а только глаза закрою – все то же. – Почему не поверить? – сказал Тимоша и со вздохом прибавил: – Эх, Никола, зря ты, пожалуй, тогда расчет потребовал, принц своего рода показал. Потерпел бы. – А если не терпелось уже, тогда как, по-твоему? Ну, ладно, Тима, пойду я домой схожу, со мной еще барышня тут. – Уж обзавелся? – Как видишь, успел, – ответил Николай и зашагал от огонька к рабочим, рассыпавшимся по полю. – Слушай, Никола! – окликнул его Тимоша. – Ты бы вертался, на кой тебе нужна какая-то шарашкина контора? – Что? Захотел опять на прицеп? – со смехом погрозил пальцем Николай. До разговора с Тимошей Николаю удавалось как-то убедить себя в том, что причина его ухода из МТС была веской: не повезло с механиком, и "контры" между ними дошли до того, что в позапрошлую весну Чепуштанов стал его посылать в колхоз на неисправном тракторе. Ему лишь бы отрядить технику в колхоз, а как она там работает – дело шестнадцатое. Но Николай-то был вчерашний колхозник. Он-то знал, что на поле нужна не мертвая, а рабочая машина, и потому отказался. Механик оформил на него дело в суд. Николай "в пузырь полез", не буду, мол, с таким механиком работать, и потребовал расчет с уверенностью, что ему откажут. Но расчет ему дали, и это всего больше обидело тракториста. "Ничего, я без вас проживу! Вы без меня попробуйте!" – разгорячившись, решил он. Время остудило его, начали донимать сомнения. "В самом деле, что это я? Показал свой „принц“, как Тима говорит, покуражился, легко и просто распорядился собой, выбрал место в жизни. А то ли место? То! То! Трактор в горкомхоз скоро придет, зарабатывать хорошие деньги буду, жить в городе. С Зиной отношения налаживаются, семьей обзаведусь. Правда, жить в Зинином доме будет нелегко. Дома, у крестной, всегда сам себе голова был, а там... Меняется все. Вон технику в колхоз передали, и люди к ней позарез нужны. Опять же, вернешься – зубоскалить начнут, подтрунивать. Косолапый Пасынков уже сейчас „дизентером? обзывает, а что будет тогда? „Ну, началось! Мозги распухнут скоро?“, – замотал головой тракторист. Как славно жилось ему на земле до прошлого года! Не так-то просто, оказывается, быть самостоятельным и распорядиться самим собой. Зина встретила Николая раздраженно: – Ушел и ушел, с типом каким-то связался, перемазался весь, будто дитя. Кушать хочется, все уже давно поели. – Ладно, Зин, не ворчи, а забирай свой узелок и пойдем к крестной, там и пообедаем. Заметив, что Зина недовольно поморщилась, он более твердо добавил: – Это у меня единственная родня на свете, с десяти лет воспитывался у нее. Она, говорят, прихворнула. У нее одна нога в колене нарушена. Зина повязалась косынкой и озабоченно сказала: – Да я ничего, раз нужно, так нужно. Только чтобы на машину успеть. Прошли немного молча, и Зина снова заговорила: – Я все забываю у тебя спросить, что с твоими родителями случилось? Если неприятно, можешь не рассказывать, – торопливо поправила она, заметив, как грустной тенью подернулось лицо Николая. – Нет, отчего же, все равно надо будет рассказывать когда-то, – вздохнул Николай и, сорвав колосок, стал мять его в ладонях. – Осиротел я разом. Отец с матерью весной переходили реку, отчаянные, видно, были. Шли уже после подвижки, с базара. Ну, дошли до середины реки, лед и тронулся. Я сам-то не видел, мне крестная рассказывала. – Надо же так случиться! – В жизни всякое бывает, – думая о чем-то своем, отозвался Николай и высыпал зерна в рот. Они спустились на берег реки, стали умываться. Ветер подхватил подол штапельного Зининого платья, она поймала его, не стыдясь Николая, подоткнула подол и забрела в воду. А Николая отчего-то покорила эта ее неторопливость и бесцеремонность. "Вырядилась! Картошку в модном платье приехала убирать. Перед деревенскими девками фасон держать решила", – думал он раздраженно, зная, что на свой огород она ходит в затрапезной материнной кофте и вообще бережлива до скупости. Дружба Зины и Николая была очень ровная, без ссор, тревог и волнений. Приходил Николай после работы к Зине домой, звал в кино. Она без разговоров собиралась, надевала тщательно отутюженное платье, не очень крикливое, но модное. Николай в своем поношенном костюме выглядел несколько тускло рядом с ней. И вообще он был менее развит. Зинина мать как-то за перегородкой прошипела на дочь. – Чего ты с ним спуталась? Ты – булгахтер! Зина ответила суровой отповедью насчет того, что пора классовых предрассудков миновала и пусть, мол, любезная мамаша не сует свой нос куда не следует. Такое поведение Зины понравилось Николаю. Ему нравилось в ней

Астафьев Виктор Петрович В страдную пору astafevvictor.ru
многое: она аккуратна, начитанна, бережлива, неветрена. Мать с Зиной как-то незаметно и прочно приручили Николая. Он копал картошку на их участке, подвозил дрова, и его кормили на кухне, покамест как постороннего работника. Затеяли Зина с матерью дом строить на окраине, благо в горкомхозе стройматериалы можно достать за бесценок. Николай подвозил цемент, кирпич, доски. И на эту работу ему не выписывались наряды. Он подозревал, что на материалы вообще никаких нарядов не выписывается. Уж больно лебезит начальник горкомхоза перед своим бухгалтером. Не по душе было Николаю все это. Не нравилась ему и Зина заносчивость. Она несколько свысока взирала на окружающий мир. Причиной тому, возможно, было ее раннее выдвижение на ответственную должность или несколько уединенный и самостоятельный образ жизни. К немногочисленному конторскому аппарату Зина относилась деспотично и строго. Вечерует, например, Зина – и весь конторский штат сидит вместе с ней, хотя днем она, бухгалтер, может ходить по магазинам, делая вид, что контролирует парикмахерские, сапожные мастерские и баню. В конторе есть кормящая мать, кассирша и другой занятой народ. Все они дружно поглядывают на часы, намекаясь вздыхают, дескать, вечер-то наступил, домой пора. Наконец кто-нибудь не выдержит и пойдет к начальнику горкомхоза. Тот выслушает и виновато разведет руками: – Ничего не могу поделать, отчетность поджмает. Обратитесь к Зинаиде Федоровне... К Зинаиде Федоровне обращаться не любили, и все шло своим чередом: вечеровал бухгалтер – вечеровала вся контора, а начальник ходил на цыпочках и обращался к своему бухгалтеру с заискивающей улыбкой: видно, был он кое в чем зависим от Зинаиды Федоровны. Начальник уже поставил дом, а теперь вот бухгалтер собирается, хотя дом ей вроде бы и ни к чему – детей нет, мужа нет. Николай заглянул сбоку на Зину. Шла она с таким видом, точно хотела сказать: убирать картофель приехала только потому, что так нужно, и к тетке Николая иду тоже потому, что так нужно. Зине уже под тридцать. В таком возрасте приходится считаться кое с чем. Разглядывая мелкие морщинки у ее скучных глаз, поседевшие от завивки волосы, он неожиданно решил, что слухи насчет того, будто Зина уже с кем-то жила не зарегистрировавшись, наверное, не пустые слухи. Избегает же она почему-то разговаривать на эту тему. Николай расстегнул верхние пуговицы косоворотки, скомкал в руках кепку. Ветер ласково трепал его чуть волнистые волосы, забирался под рубаху, надувал ее на спине пузырем. Глаза Николая шурились, на душе было томительно. Он нарочно подставил лицо и грудь ветру, но легче от этого не делалось. В доме никого не оказалось, и Зина просияла. Николай приподнял доску на завалинке, взял ключ. – Во, порядок! – весело помахал он им. – Крестная по привычке оставляет. В сенцах на полу лежали ветки папоротника. Тетка Васса любит устилать ими пол после мытья. Волшебный запах папоротника мешался с грибным духом, ползушим от полусгнивших бревен старой избы. Николай долго вытирал ботинки о ветви папоротника, свернувшиеся на вершинках, как улитки, затем потянул на себя дверь, которая висела вверху на кожанке, внизу – на ржавом шарнире. Не раз Николай собирался заменить эту кожанку, в которую тетка Васса вколотила уже не меньше фунта гвоздей. В кухне у порога лежал истертый обувью тряпичный круг. Николай опять начал вытирать ноги, а Зина, все время молча наблюдавшая за ним, усмехнулась и сердито поджала тонкие, чуть подкрашенные губы. В передней, где раньше жил Николай, все было так же, как и до его отъезда. Деревянная кровать с облупившейся рыжей краской заправлена байковым одеялом, на стене – выдавшая виды переломка. От спускового крючка переломки тянулась к дряхленькому коврику паутина. Николай снял ружье, дунул на него, с трудом переломил, заглянул в ствол и задумчиво сказал: – Заржавело. Услышав свой голос, он как бы опомнился, взглянул на Зину, присевшую у окна, и торопливо повесил ружье. – Будем есть или крестную подождем? – Он виновато помялся и решил: – Подождем уж... Зина не отозвалась. Она чувствовала себя здесь чужой, ей было неловко и скучно. Николай поискал глазами вокруг и кивнул на полочку, где на пожелтевшей газете стояло в ряд с десяток потрепанных книжек: – Может, почитать пока желаешь? Там есть и художественные штуки три. – Не хочу, устала я, – нехотя ответила Зина и тем же безразличным тоном прибавила, взглянув в окно: – Вон какая-то женщина похрамывает, не твоя тетка, случайно? Николай быстро подошел и, поглядев через Зинино плечо, выдохнул: – Она. Тетка Васса шла так же, как и раньше ходила, – медленно, припадая на правую ногу. Показалось Николаю только, что прихрамывает она больше обыкновенного, а на ее спокойном и немного суровом лице прибавилось что-то незнакомое. Ах, да, мешки под глазами, темные, дрябловатые мешки, которых раньше Николай не примечал. "Не досыпает крестная или сдала так?" – грустно подумал он и, поймав на себе насмешливый взгляд Зины, отошел от окна. У тетки Вассы в переднике было завязано несколько белобоких огурцов и до стеклянного блеска налитых помидоров. Она высипала их на стол, отвязала передник и, поправив выбившиеся из-под платка жесткие волосы, заглянула в комнату: – Ты чего, Коля, не обедаешь? Здравствуете! – Вот знакомься, – Николай смущенно кивнул на Зину. Девушка торопливо поднялась

Астафьев Виктор Петрович В страдную пору astafevvictor.ru
и, чуть раскланявшись, церемонно сказала: – Зинаида... – Хотела что-то прибавить, но смешалась под пристальным взглядом тетки Вассы. – Чего же, и знакому свою кормил бы обедом, – заговорила тетка Васса. – Правда, обед наш деревенский: шти да каша утрешние в печи, может, и не поглянутся. – Что вы, что вы, – робко запротестовала Зина. – Я ко всему привыкла, в войну и каша деликатесом считалась. Зина посмотрела на руки тетки Вассы. Они были только что мыты, но зелень на пальцах и земля под ногтями остались. Очевидно, тетка Васса убирала овощи в колхозном огороде. – Ну, коли так, милости просим. Я сейчас соберу на стол, – сказала тетка Васса и заковыляла в сенки. Старая выгоревшая кофточка приклеилась по желобку ее спины, на шее припотела пыль. Когда тетка Васса вышла, Зинаида вполголоса проговорила: – Ой и взгляд у нее! Она старая дева, да? Все они такие... В голосе ее прорвалась невольная неприязнь. Зина спохватилась, заметив, как нахмурился Николай. Он хотел что-то сказать и вдруг ясно понял, что Зина уже составила свое мнение о тете Вассе и что она не только не поверит тому, что он может рассказать о самом близком ему человеке, но и не поймет, пожалуй. А вот он хорошо знает, что скрывается под тяжелым взглядом тетки. Война. По деревне бродят эвакуированные и выменивают на картошку вещи. В дом тети Вассы завертывают девочка и мальчик, очевидно, посланные в деревню с расчетом, что им при обмене больше дадут. В руках у мальчика модельные туфли молочного цвета, а у девочки – пуховая шаль. Сама же она в какой-то куцей, сверхмодной фетровой шляпке. На улице мороз. Дети греются у печки, рассказывают про Ленинград. Тетя Васса, пригорюнившись, слушает их, и выражение на ее мужиковатом лице с массивным подбородком такое, что Кольке зареветь хочется. Накормив детей, тетя Васса взваливает на себя мешок с картошкой и отправляется в город. Туфли она уносит в котомке, а шалью повязывает девочку. Сколько сил и тепла отдала она ему, Николаю. "А я год не появлялся и вестей не подавал". И вдруг мысль, которую он так настойчиво отгонял от себя все последнее время, одолела его: "Останусь, возьму вернусь, и все. Снова на трактор, на свой, на колхозный трактор! И в поле!" – А что, и останусь! – повторил он вслух. – Вот возьму и... Зина сердито взглянула на него, начала нервно чистить ногти и хотела заговорить, но услышала голос тетки Вассы из кухни: – Дожили! Некому на машинах-то работать. Эмтээсовские трактористы вон норовят урвать побольше или в город определиться. – Тетка Васса чем-то громыхнула. – И что за моду взяли нынче молодые – чуть чего так и в город, так и на казенный хлеб! А кто же его, хлеб-то, должен добывать? Николай не отвечал. Спустя некоторое время тетка Васса позвала: – Айда за стол. Николай сразу поднялся, Зина медлила. Тетка Васса обратилась к ней: – Не знаю, как вас приглашать – как знакомую или как родную? – Приглашай как родную! – широко улыбнулся Николай и ободряюще поглядел на Зину. Зина сощурилась и чуть побледнела: – Нет! – резко ответила она и, заметив растерянность на лице Николая, еще раз крикнула, топнув ногой: – Нет! Хлопнув дверью, она прогремела каблуками по ступенькам. – Гляди-ка ты, обиделась на что-то? – с недоумением сказала тетка Васса. Она виновато поглядела на свои второпях мытые руки, одернула короткую кофту. – Меня испугалась либо жизни деревенской нашей. Чего ж ты сидишь-то? Бабочка, видать, манерная, поди, уговори. – Не стоит, – махнул рукой Николай, обиженный и обескураженный. – Подумаешь, цаца! – Он пренебрежительно фыркнул, задетый за живое поведением Зины и тем, что она унизила тетку Вассу. Однако тетка Васса властно взяла его за руку и легонько подтолкнула к дверям: – Тебе со мной не вековать. Николай догнал Зину уже за деревней. Стараясь придать своему голосу беззаботность, крикнул: – Ал?, Зин, тебя какая муха укусила? Она не ответила и прибавила шагу. Николай догнал ее и, натянуто улыбаясь, тронул за рукав. – Отстань! – передернула она плечами, и губы ее непримиримо сомкнулись. – Верно, что с тобой? – уж совсем серьезно и несколько растерянno спросил Николай. – Что со мной? Что со мной? – зазвеневшим голосом выкрикнула Зина. – Закрутил мозги да еще спрашиваешь! Я ведь все вижу. Что, думаешь, слепая? – Чего ты видишь? – То и вижу, что душонка твоя прилипла к дряхлой халупе да к крестне этой, хромоногой. – Ты это... крестную не задевай, – нахохлился парень. – Я твою мать ни одним словом не обидел... – Чего-о? Мою маму! Ха-ха, попробовал бы тронуть! – презрительно сощурилась Зина. – Ты тетушкой своей покомандуй! – зло и вызывающе продолжала она и неожиданно запричитала: – Все вы – паразиты, обманщики, а я-то, дура, надеялась! – Слушай, Зина, в чем я тебя обманул? Чего ты наговариваешь? – Наговариваю? Не ты ли говорил насчет женитьбы, а? Вспомни-ка! – Ну, говорил, и сейчас от своих слов не отказываюсь. Пойдем к крестной, и я повторю при ней. – К крестной, в деревню? Вот ты куда меня тянешь! Что же ты мне, друг любезный, прикажешь бросить место в городе, размотать все барахлишко, мать побоку – и все это ради старой избенки да тетушки твоей? – Просчиталась, значит? Зина осеклась, поглядела на его непривычно холодное лицо и вдруг с отчаянием крикнула: – Ты не просчитайся! Я из тебя хотела человека сделать! – Ишь ты человекоделатель какой сыскался, – хмыкнул

Астафьев Виктор Петрович В страдную пору astafevvictor.ru
Николай. И тут же рассердился: – Вам с мамашей не человека, а работника надо в дом – дровишек напилить, поросенка заколоть. Ну, а я на это не гожд. Я на самом деле прирос душой к этой деревушке и, может, сейчас только понял это. Ты помогла – и на том спасибо. – Он говорил уже почти спокойно: – Давай спешу. Вон машины пришли... – И поспеши! Зина, не прощаясь, побежала в гору, повторяя на ходу: – И поспеши, нечего мне здесь делать... – Это так. Николай остановился. Вдали призывно сигналили машины. Фигура Зины в сиреновом платье удалялась и удалялась. Вот ветер сорвал косынку с Зининой головы. Она наклонилась, подняла косынку, выпрямилась и стояла несколько секунд в нерешительности, глядя на неподвижного Николая. Потом она сорвалась и еще быстрее побежала по колючей стерне. Из-под ног ее выбивалась пыль и стреляли верткие кузнечики. По коноплянику, качавшемуся под ветром, перепархивали щеглы. С поля к реке спускался трактор, кренясь на правый бок. "Тимошин трактор", – узнал Николай. Ветер ударил в лицо, Николай протер глаза рукавом косоворотки, а когда оглянулся, машин уже не было, только перекопанное поле с островками картофельных куч виднелось вдали. Трещал трактор уже за яром на косе, радио выплескивало музыку на притихшую деревню. Солнце садилось за гору. Оно еще не заосенилось, это страдное солнце, и припекало днями, помогая людям собрать с полей плоды трудов своих. 1955–1958

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!